

подготовке, Радлов достиг таких результатов, какие не возможны для обыкновенных, кабинетных ученых. Несмотря на свое намерение, Н. И. Ильминский считает неловким обращаться с своим предложением в Академию, если она его не спросит. Он ждет вызова со стороны Академии.

Так как Вы, многоуважаемый Александр Николаевич, принадлежите к числу немногих академиков, с которым я имею счастье быть знакомым, то я и позволил себе обратить на это обстоятельство Ваше внимание. Если Вы со мною согласны, то, вероятно, не преминете воспользоваться сообщенным Вам сведением и в разговорах с другими академиками постараетесь подействовать на них в названном смысле, т. е. в смысле вызова Н. И. Ильминского на представление самого подходящего кандидата для замещения кафедры тюркских языков в СПб'ой Академии Наук.

Извините за помарки. Без них почти ни одно мое письмо не обходится.

Вполне Вам преданный

И. Бодуэн де Куртене

Жена Вам кланяется.

17
29 апреля 1884.

Многоуважаемый Александр Николаевич!

В догонку за посланным сегодня письмом спешу прибавить следующее: было бы вполне достаточно, если б кто-нибудь из русских академиков спросил Ильминского по данному вопросу. Не нужно вовсе официального запроса от Академии, а довольно будет частного от лица одного.

До поры до времени не говорите, пожалуйста, о моих письмах лицам посторонним.

Преданный Вам *И. Бодуэн де Куртене*

Казань 6
18 апреля 1887.

Многоуважаемый Александр Николаевич!

Ваша слушательница, Р. Р. Багницкая, сообщила, что Вы соглашаетесь помочь мне в деле получения мною места в Варшавском университете. Считаю лишним уверять Вас в своей глубокой признательности. Вы, вероятно, вполне понимаете, как мне тяжело жить в Казани совершенно одиноким и вдали от всех родных и прежних друзей. В особенности потеряв жену¹², единственное утешение моей монотонной и прескучной казанской жизни, я испытываю одно почти только чувство грусти и подавленности. Кроме того казанский климат влияет крайне вредно на мое здоровье. По этим и многим другим причинам я всеми силами стремлюсь на запад, но, к сожалению, до сих пор безуспешно. Может быть, я и ошибаюсь, но мне кажется, что самое соответственное для меня место — в Варшаве. Я несомненно давно получил бы его, если б не был поляком; но так приходится испытывать все последствия первоначального греха. Некоторые новые «веяния» возбудили во мне надежду, что, может быть, сильное гонение всего польского несколько уменьшится и что полякам, по крайней мере занимающимся наукою, будет предоставлена возможность научной деятельно-

¹² «Она умерла в феврале 1878 г. в Варшаве, где осталась у своего отца и сестры в ожидании родов, между тем как я должен был осенью 1877 г. отправиться в Казань, так что в последние месяцы ее жизни мы были в невольной разлуке». (Примечание Бодуэна де Куртене).